

Вардомацкий Л. М.
ТЕКСТЫ ПОЛОЦКИХ, ВИТЕБСКИХ И ОРШАНСКИХ ДОКУМЕНТОВ РУБЕЖА XVI-XVII ВВ.
КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЯЗЫКА

Обращая внимание на важность лингвистических исследований в общей системе исследований истории Беларуси, академик Е. Ф. Карский писал: «Надобность в научном словаре живого белорусского наречия и в особом словаре старого западнорусского языка очевидна для каждого занимающегося историей русского языка, юго-западной литературой, западнорусской историей и этнографией» [4, с. III]. Однако до настоящего времени мы все еще не имеем относительно полного, каталогизированного списка памятников письменности, которые с очевидностью отражают особенности устной речи жителей территории нынешней Беларуси и которые, вследствие этого, могут использоваться исследователями при изучении истории белорусского языка.

С сожалением следует признать, что оригиналы старобелорусских документов в большинстве своем сегодня малодоступны даже для специалистов, поскольку либо находятся за пределами страны в различных зарубежных архивных и библиотечных фондах, либо утеряны, либо безвозвратно утрачены. Собираемые по крупицам из разных документов, разбросанных в различных источниках, единичные сведения все же дают возможность постепенно складывать отдельные детали в общую картину системных особенностей языка, социальной и культурной жизни белорусов ушедших эпох.

И в этом смысле несомненный, особый интерес имеют сохранившиеся в том или ином виде документы, выполненные в Полоцке, Витебске, Орше в конце 1500-х – начале 1600-х годов. Это время, когда, с одной стороны, в результате активно развивающегося делового и бытового письма, наблюдается ослабление церковнославянских письменных традиций, под влиянием которых находились авторы и печатники начала XVI века. С другой стороны, все еще отсутствуют какие-либо нормирующие письмо лингвистические документы (Букварь М. Смотрицкого появится в 1618 году, его же «Грамматика» – в 1619-м, а букварь С. Соболя – лишь в 1632 году). Все это способствует активной демократизации письма, когда традиционный принцип орфографии постепенно дополняется принципом фонетическим, который в отдельных документах становится доминирующим и все шире отражает живую разговорную речь. Тексты, созданные в это время в различных регионах территории ВКЛ, несут в себе существенные отличия, отражающие особенности родной речи их создателей. Эти различия явились поводом для неразрешенных и до настоящего времени дискуссий о «прародине» старобелорусского языка.

Документы, созданные на территории Беларуси в XVI-XVII веках, известны сегодня благодаря публикациям в ряде изданий XIX века. Это, прежде всего, «Акты Виленской археографической комиссии» (с 1865 по 1915 годы издано 38 томов различных документов), «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией» (с 1863 – 1892 издано 15 томов), это авторские собрания и издания А. П. Сапунова, Д. И. Довгялло, Е. Ф. Карского и др. Однако следует обратить особое внимание на важную с лингвистической точки зрения деталь: далеко не все из этих публикаций имеют одинаковую ценность для исследователей истории языка. Дело в том, что основной целью таких изданий было сохранение исторических сведений о фактах, событиях, людях. Задача точной передачи и сохранения языковых особенностей старобелорусских текстов, как правило, первоначально не входила в сферу интересов собирателей и издателей.

Так, издание А. П. Сапунова «Витебская старина», неоценимое для историков и краеведов собрание документов по истории Витебска и Витебщины, историками-языковедами должно рассматриваться с осторожностью. Увлеченный историческими событиями, А. П. Сапунов в отдельных случаях не считал необходимым соблюдать аутентичность в передаче языковых особенностей оригиналов древних текстов. Особенно это касается документов, первоначальный текст которых был написан латиницей.

Пожалуй, первым издателем старобелорусских текстов, обратившим особое внимание на необходимость сохранения при изданиях особенностей языка памятников письменности, следует считать Д. И. Довгялло, который готовил к изданию последние три тома (30-й, 31-й, 32-й) «Историко-юридических материалов, извлечённых из актов книг губерний Витебской и Могилёвской» (1903–1906 гг.). В предисловии к 30-му тому Д. И. Довгялло специально отмечает: *«Этими документами съ 21 марта по 5 октября 1577 г., мы начинаем рядъ точного копирования древнейших актовъ, какъ самого драгоценнаго матеріала для изученія древняго бѣлорускаго языка»* [3, с. XI].

Особый интерес, на наш взгляд, представляют (на фоне текстов, представляющих западные и южные регионы ВКЛ) документы, созданные в это время на северо-востоке нынешней Беларуси – в Полоцке, Витебске, Могилеве, Орше. В официально-традиционную языковую ткань этих документов, записанных *«кгородскими писцами»* и передающих *«от слова до слова»* содержание различных судебных споров, претензий, заявлений, протестаций, все более активно проникают и закрепляются особенности устной речи представителей местного населения. Наблюдения показывают,

что языковые особенности текстов, созданных на этой территории, существенно отличается от языка текстов, созданных западнее, либо восточнее этой территории.

Рассмотрим некоторые из этих особенностей на примере текста документа, который можно назвать по первой, заглавной строке текста: «*Выпись съ книгъ справъ кгородскихъ замку господарьского староства Оршаньского*» от 14 октября 1599 года». Далее для удобства будем называть его сокращенно – «Выписка 1599 года». Документ был опубликован Н. Костомаровым во втором томе «Актов, относящихся к истории южной и западной России...» под № 2 за 1599 год [1, с. 3 (27)].

Этот текст – одно из свидетельств особой остроты межконфессиональных противоречий, имевших место на восточных территориях Беларуси (ВКЛ) в эпоху распространения униатства. Грамотой от 2 октября 1599 года король Сигизмунд III передал недавно назначенному Киевскому униатскому митрополиту Ипатию Потею во владение ряд сел и земель «*въ оршанскомъ повете лежащихъ*». Однако посланные 12 октября 1599 года с королевской грамотой «*до тыхъ селъ рускихъ в повете оршаньскомъ лежащихъ*» для передачи их новому владельцу, Федор Пучковский, действовавший от имени митрополита Потея, «*оршанский возный енералъ*» Оникей Зенькович и дворянин пан Ян Кошиц «*со своими людьми*», были встречены монахами, казаками и «*иными посторонними людьми... зъ рознымъ оружьемъ войне належачымъ*, и не допущены в эти села и монастыри. Послы были обстреляны из «*пулзаковъ*», в результате чего под «*паномъ Лукашомъ Тросниничемъ* коня шерстью гнедого пострелили и насъ всих мало не позабавали...».

В содержательном плане текст анализируемого документа представляет собой жалобу пана Федора Пучковского с описанием произошедших событий, а также свидетельские показания оршанского «*енерала*» (должность, в определенной степени соответствующая современному судебному исполнителю) Оникея Зеньковича. Жалоба и показания «*на враде господарьскомъ кгородскомъ Оршаньскомъ*» в присутствии подстаросты оршанского Петра Григорьевича Кублицкого «*до книгъ справъ кгородскихъ*» записаны писарем оршанским Богданом Бурым.

Фактологическую суть этого события оставим специалистам- историкам. Для нас особый интерес представляет язык документа, те его особенности, которые отражают специфику живой речи жителей Орши и прилегающих территорий на рубеже XVI-XVII веков.

Как известно, наиболее характерными, определяющими признаками белорусского языка в области фонетики являются твердость всех шипящих и [ч], и отсутствие парности по твердости-мягкости для звука [р]. Твердость шипящих [ж] и [ш] в памятниках белорусской письменности отмечается уже с XIII-XIV веков [6, с. 114]. Но в старорусских памятниках письменности эта особенность отмечается непоследовательно, и традиционно после шипящих продолжает использоваться буква *и*. В «Выписке 1599 года» как раз наблюдаем абсолютно последовательное графическое отражение отвердения шипящих [ж] и [ш]. Причем такое отвердение наблюдается как в корнях слов, так и в суффиксах, и в окончаниях: *божого, постановившысе, менуючысе, приспособившы, иншихъ набравшысе, старшого, вжо, Кошыцъ, затворившы, учтившы, шырей, ставшы*.

Последовательно представлено в «Выписке 1599 года» и отвердение звука [ч]: *будучымъ, належачымъ, вѣхъдчаучы, лежачыхъ, прислухаучыхъ, речоному, причинъ, маючы, дбаючы, ничего, лежачого, хочечы, належачыми, мовечы, дбаючы*. В старорусском языке этот звук продолжает оставаться мягким.

Такое же последовательное отражение твердости [ж], [ш] и [ч] наблюдаем и в тексте «Актвой книги Витебского земского суда за 1601 год»: *постановишысе, набравшысе, пропомневшы, нашого, держыт, лежачый, хочечы, идучом, богушэвичового, чоботора*. Причем, отвердение [ч] обозначено не только в единичных, отметим – не характерных (!) для этих текстов полонизмах (*очывисто*), но и абсолютно во всех словоупотреблениях.

Казалось бы, эта тенденция должна получить дальнейшее развитие и распространение. Но в «Протестаций Яна Лисовского» (текст исполнен в Полоцке в 1633 году) результаты отвердения звуков [ж], [ш] и [ч] отражены значительно менее последовательно. Так, наряду с такими новыми записями, как *нашого, вжо* ('уже'), *наймнейшого, чого*, наблюдаем традиционные написания: *будучимъ, иншихъ, Янъ Клишицъ, низшемъ, живцомъ, нежичливостъ*.

Отдельные написания в «Выписке 1599 года» представляются несколько странными. Например, *приспособивши, затворившы* и подобные, где отвердевшие шипящие соседствуют с [р'], что с точки зрения исторической фонетики маловероятно. Такие написания породили предположение о сохранении исконно мягкого [р'] в устной речи на северо-восточных белорусских землях ВКЛ. Действительно, и сегодня в говорах Витебщины можно встретить [б'ир'оза], [вир'оўка], на Гомельщине – [р'аку пер'аплыў]. Однако для данного документа такое предположение, вероятнее всего, не соответствует действительности. В «Актвой книге Витебского земского суда за 1601 год» наблюдаем свидетельства последовательного отвердения [р] на данной территории, что отразилось в написаниях типа *рымском, прыпалых, грыгорем, прышодшы, писаром*. Вероятнее всего, по отношению к «Выписке 1599 г.» мы можем говорить о произвольном, традиционном написании *и* после *р*.

Подтверждением этого могут служить очевидно противоречащие друг другу написания: *мана-стыру*, но *зъ монастыремъ*, *печерскимъ*, но *впродъ*, *дворенина*, но *дворанинъ*, *речоному*, но *Трысти-нича*, *затворившы*, но *боярына*.

В «Протестации Яна Лисовского», написанной в Полоцке всего лишь 34 года спустя, заметно (во всяком случае на письме) последовательное обозначение мягкости [p']: *теперешнемъ*, *третемъ*, *дерева*, *опримвали*, *неприятельскій*, *перед* и т. п., что противоречит логике развития этого звука на северо-восточных землях ВКЛ и может быть объяснено только возросшим к этому времени на этой территории влиянием «московской» письменной традиции.

Интересно, что в приставках и предложениях написание *и* после *р* наблюдается практически последовательно во всех текстах, написанных в это время на этой территории: *прислухающего*, *при собѣ*, *причин*.

В «Выписке 1599 г.», как и в других оршанско-полоцких текстах этого времени, наблюдаем последовательное различие [z] взрывного, обозначающего сочетанием *-кз-*, и [z] фрикативного, обозначающего одиночным *-з-*: *кгородскихъ* (*и все другие однокоренные формы этого слова*), *кгда*, *кдысмы*, *срокгости*, но *госпдарьского*, *Григорьевичомъ*, *галицького*, *до книгъ*, *Богданъ*, *корыгованъ*. В отличие от отмеченных выше, эта особенность последовательно прослеживается и в других анализируемых источниках – в «Актной книге Витебского земского суда за 1601 год» и в «Протестации Яна Лисовского 1633 г.».

Распространено мнение, предложенное еще Ю. Крижаничем и Е. Ф. Карским, что развитие [z] взрывного в белорусской речи, где исконным являлся [z] фрикативный, проходило под влиянием польского языка [5, с. 469–471]. На наш взгляд, такое объяснение не столь очевидно, о чем можно судить хотя бы по приведенной словарной выборке, где слова с *-кз-* являются восточнославянскими, а в полонизме *корыгованъ* как раз обозначен [z] фрикативный.

А вот отражение на письме возможного наличия аффрикат *-дж-*, *-дз-* в устной речи жителей Орши на рубеже XVI–XVII веков, что действительно могло бы свидетельствовать о польском языковом влиянии, в «Выписке 1599 г.» наблюдается лишь в единичных для каждой аффрикаты случаях: *во владзү*, но *въждчаючы*.

В целом анализ отмеченных и многих других отраженных в текстах языковых особенностей показывает, что к концу XVI – нач. XVII вв. на территории вокруг Полоцка, Витебска, Орши, Могилева сложился язык с выраженными фонетическими особенностями и устойчивой грамматикой. Типичной иллюстрацией этого положения среди прочих может являться и «*Выпись съ книгъ справъ кгородскихъ замку господарьского староства Оршаньского*» от 14 октября 1599 года» или записи в «Актной книге Витебского земского суда за 1601 год». И именно этот язык следует считать базовым в определении более широкого понятия «старобелорусский язык». Однако уже к тридцатым годам XVII века языковая структура памятников письменности заметно меняется как западнее Витебска (примером здесь может служить полоцкий текст «Протестации Яна Лисовского 1633 года»), так и восточнее, что можно наблюдать, например, в тексте «Оршанской грамоты 1629 года» [2, с. 35–40].

1. Акты, относящиеся къ истории южной и западной Россіи, собранные и изданные археографическою комиссіею. Томъ второй. 1599–1637. – Санкт-Петербургъ, 1865. – 314 с.
2. Вардомацкий, Л. М. «Оршанская грамота 1629 года» как источник для лингвистических и лингвокультурологических исследований / Л. М. Вардомацкий // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова»: сборник научных трудов. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – Т. 27. – 200 с.
3. Довгялло, Дм. Ив. Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской. Выпуск тридцатый [Электронный ресурс] / Дм. Ив. Довгялло. – Витебск, 1903 г. – Режим доступа: <http://ru.calameo.com/read/002055968892936183cdd>. – Дата доступа: 10.12.2020.
4. Карский, Е. Ф. Белоруссы. – Т. 1: Введение въ изучение языка и народной словесности / Е. Ф. Карский. – Варшава, 1903. – 478 с.
5. Карский, Е. Ф. Белоруссы. Томъ 2. Языкъ белорусскаго племени / Е. Ф. Карский. – Варшава, 1908. – 610 с.
6. Янкоўскі, Ф. М. Гістарычная граматыка беларускай мовы / Ф. М. Янкоўскі. – Мінск, 1983. – 271 с.

Павлов А. П.
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КРУГА БЛИЖНИХ ПРИДВОРНЫХ
ЦАРЯ МИХАИЛА РОМАНОВА

История правящей элиты Московского государства XVI–XVII вв. является одним из важнейших направлений историографии. При изучении данной темы историки традиционно опираются на данные официальных списков Государева двора (боярских списков и боярских книг) и росписей служебных назначений представителей элиты (разрядных книг), которые позволяют судить главным образом лишь о формальном чиновно-служебном положении бояр и придворных, которое определялось их происхождением и местнической традицией. Выявление круга лиц, обладавших реальной властью и влиянием при дворе нуждается в привлечении новых источников.